

26 февраля. День вступительного экзамена в университет.

Идзуку сидел на краю своей кровати, глядя на свои руки, когда слабый намек на утренний свет пробивался сквозь жалюзи окна. Он уже вылез из пижамы и оделся для предстоящих испытаний. Солнце еще даже не взошло, лишь прохладное малиновое свечение неба предвещало рассвет и начало очередного препятствия на пути Идзуку к становлению героем.

Но Идзуку проснулся задолго до появления малинового сияния. Он беспокойно метался по комнате, не в силах заснуть, но как он мог? Сегодня был тот самый день. Если он не прокручивал в голове бесчисленные варианты того, как может пройти день, то смотрел на свои руки, вглядываясь в каждый поблекший шрам.

Его руки больше не дрожали. Или, по крайней мере, когда они дрожали, это никогда не было слишком вредным для выполнения таких задач, как захват предметов и письмо. Они больше не дрожали - воистину свидетельство его роста как ученика Доктора Стрэнджа за последние 18 месяцев, если такое вообще возможно.

"Идзуку, милый?" Он услышал голос матери по ту сторону двери своей спальни, а затем легкий стук по дереву. "Ты проснулся? Я услышала здесь какое-то шарканье и решила тебя проведать".

"Да, я встал, мама", - ответил Идзуку, открывая дверь, чтобы встретить Инко. Она тоже была без ночного одеяния и уже одета. Они оба с минуту рассматривали лица друг друга, и было ясно, что ни один из них не выспался прошлой ночью. Но, несмотря на это, они оба выглядели бодрыми и осведомленными, без малейшего намека на сильное утомление, словно ими двигало одно лишь предвкушение. Надежда давала Мидориям больше, чем кофеин.

"Ты нервничаешь?" тихо спросила Инко.

"Невероятно", - ответил Идзуку, быстро кивнув.

"Я знаю, что сейчас только шесть часов, но мы должны хотя бы немного покормить тебя, прежде чем ты отправишься в U.A.", - предложила Инко.

"Я не знаю, мама", - сказал Идзуку, сглотнув. "Я сейчас так нервничаю, что боюсь, что меня вырвет от любой еды".

"Это был бы неудачный способ начать день", - раздался голос Стрэнджа в коридоре, прежде чем добрый доктор шагнул через пылающий портал, открывшийся посреди коридора.

"Доктор Стрэндж", - поприветствовала его Инко с теплой улыбкой. "Как раз вовремя; не хотите ли вы присоединиться к нам за завтраком, прежде чем Идзуку отправится в путь?"

"Вообще-то", - сказал Стрэндж, ответив на ее улыбку своей. "Я собирался пригласить вас обоих на ужин".

Ужин? Инко и Изуку растерянно посмотрели на него, пока Изуку не вспомнил о разнице во времени между этим местом и Нью-Йорком, где обычно проживает Стрэндж.

"О да, там ведь еще вчера было 4 часа дня, не так ли?" спросил Идзуку. 14 часов разницы. Стрэндж перешел на нечетные часы во время обучения Идзуку, особенно когда он вернул свой Санктум в Нью-Йорк и когда они переехали на Камар-Тадж на лето. Изуку удивлялся, как Стрэндж смог так быстро адаптироваться к изменениям; он решил, что тот просто привык к этому после стольких лет работы Верховным колдуном.

"Ты прав, Идзуку!" сказал Стрэндж, отступая в сторону, чтобы дать возможность мидорийцам пройти через его проем. "Тем не менее, я позаботился о том, чтобы соблюсти наши утренние чувства, собрав соответствующий набор продуктов для завтрака".

Мидориас и Стрэндж прошли через портал прямо в столовую Санктума, и Инко и Изуку были мгновенно поражены видом парящих и танцующих тарелок и подносов, на которых было разложено все - от печенья до фруктов и сосисок. Шторы в Санктуме были задернуты, позволяя первому этажу утопать в лучах заходящего послеполуденного солнца, что резко отличалось от полумрака утреннего неба, который они только что наблюдали.

Все быстро заняли места за столом, и Стрэндж с Инко охотно вступили в беседу, пока тарелки танцевали и проплывали мимо них одна за другой, давая сидящим достаточно времени, чтобы отщипнуть от них все, что они пожелают. Идзуку улыбнулся процессии еды и подносов, проплывающих мимо, и невольно вспомнил, что, несмотря на свирепую силу, которой владел его сенсей, его магию можно использовать для безобидных, безобидных, даже откровенно бессмысленных и глупых целей, подобно тому, как Всемогущий обладал ужасающей силой, но использовал ее для успокоения сердец и умов людей. Но Идзуку предпочел тихо сидеть и наблюдать за танцующей мимо едой, не беря ничего для себя.

"Съешь хотя бы фрукты, милый", - обратилась Инко к сыну, заметив его нежелание есть.

"Твоя мама права", - добавил Стрэндж. "Тебе понадобится как можно больше энергии для экзамена..."

"А что, если я провалюсь?" внезапно проговорил Идзуку, заставив Стрэнджа и Инко моргнуть. Процессия подносов с едой с грохотом остановилась, все замерло, и в комнате воцарилась напряженная тишина. Идзуку посмотрел на Стрэнджа встревоженными глазами.

Стрэндж бесшумно встал и направился к Идзуку, не сводя с мальчика глаз. Дойдя до Идзуку, он повернул стул, на котором сидел, и опустился на колени, положив обе руки ему на плечи.

"Ты нервничаешь", - заявил Стрэндж так же просто, как если бы можно было сказать, что у

Идзуку зеленые волосы. "И я понимаю, почему. Для тех, кто пытается поступить в U.A., легко думать, что вступительный экзамен - это итог всей их подготовки. Что этот день либо широко откроет путь героя, либо закроет его навсегда. Я советую тебе не думать так, Идзуку. Этот день - не последний шаг, это всего лишь еще один шаг вперед, и, выиграв или проиграв, ты никогда не должен прекращать двигаться вперед. Сегодняшняя неудача не определит твой путь, но и успех тоже. То, что произойдет после экзамена, независимо от ваших баллов, будет зависеть только от вас. И я полностью верю в тебя, Идзуку Мидория".

Идзуку почувствовал, как дрожат его губы, а по щекам стекает знакомая влага. Он всегда был плаксом, чего стыдился, но Стрэндж никогда не осуждал и не порицал его слезы. Ему хотелось броситься в объятия своего сенсея, как он делал уже не раз, и осыпать бесчисленными благодарностями человека, который дал ему выбор и шанс, о котором он и не подозревал, хотя он был уверен, что Стрэндж мягко ответит, сказав, что весь этот прогресс - его заслуга.

И вот Идзуку яростно провел ладонями по щекам и глазам, пытаясь стереть слезы, пока крепкие объятия не застали его врасплох, заставив остановиться. На этот раз инициатором объятий выступил Стрэндж, что было редким событием для Идзуку, хотя и нежелательным.

"Ты превзошел мои ожидания на каждом шагу", - ободряюще произнес Стрэндж, пока Идзуку проливал слезы. "Несмотря на все неожиданное, что произошло, я не могу гордиться тобой, Идзуку. Так что пролей свои слезы вместе с нервной дрожью, сынок, потому что я не сомневаюсь, что ты будешь стоять высоко среди всех Причуд, которых ты увидишь сегодня, и заслужишь свое место на курсе героев."

"Тогда я тебя не подведу!" крикнул Идзуку, резко вырвавшись из объятий Стрэнджа, и потянулся через стол, взяв в одну руку апельсин, а в другую - печенье. Он принялся за еду, а мать через одно плечо читала мальчику лекции по этикету, а учитель через другое плечо посмеивался над этим зрелищем.

<http://tl.rulate.ru/book/55592/1515766>